

СОЮЗ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ НА ПОРОГЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ТРИ ФИЛОСОФСКИХ ПРОЕКТА*

О.Е. СТОЛЯРОВА

Наука и философия

В начале XX в. Уильям Джеймс выдвинул проект воссоединения философии и науки, результатом которого, по его мнению, должна была бы стать *эмпирическая философия*. Джеймс полагал, что «философы могут свободно пользоваться какими угодно методами. Но во всяком случае философии надлежит завершать науки и впитывать их методы... Я не вижу, почему бы философия не могла дойти до полного освобождения от всяческого догматизма и до превращения в столь же гипотетическую по своим приемам науку как самая эмпирическая из всех наук»¹. Эти слова были написаны практически одновременно с работами, инициировавшими два направления современной философской мысли – аналитическую философию и феноменологию. И Джеймс был не одинок в своих рекомендациях. Бертран Рассел и Эдмунд Гуссерль тоже высказывались в пользу объединения двух важнейших продуктов человеческого духа – науки и философии. «Философское знание... не отличается существенно от научного знания, – утверждал Рассел в 1912 г., – нет особого источника мудрости, открытого философии, но не открытого науке, и результаты, полученные философией, не отличаются коренным образом от результатов, полученных наукой»². Гуссерль в программной статье «Философия как строгая наука» (1911), критикуя натурализм (он же «естественно-научный объективизм»), тем не менее, признает, что «именно в той энергии, с какой натурализм пытается реализовать принцип строгой научности во всех сферах природы и духа... заключается его заслуга и в то же время главная доля его силы в наше время»³.

Итак, три крупнейших мыслителя признают несомненную важность науки для философии и подчеркивают их сущностное родство, однако по-разному видят их союз. Это напоминает споры по поводу взаимоотношений философии и религии в Средние века. Теория «двух истин», хотя и разводит их формально, но при этом помещает в единство постигаемого бытия и является скорее теорией «двойственной истины».

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Конструктивизм как онтология», грант № 12-03-00600а. Автор выражает благодарность А.Л. Никифорову, Л.А. Марковой и П.А. Сафронову за комментарии и критические замечания. Автор благодарит также HESP, Department Development Partnership Program Института Открытое общество за поддержку в ходе работы над данной статьей.

Философия с первых своих шагов заявила о себе как о дисциплине, которая изучает *все*. Двойственность мира, распадающегося на бытие и не-бытие, единство и множество, тождественное и изменчивое изначально была двойственностью в единстве постижения, в едином пространстве того, что можно помыслить. То, что ретроспективно мы опознаем в качестве науки, основанной на опыте (систематическом наблюдении), изначально принадлежало философии, и конфликт между «плюралистами» и «монистами», или теми, кто защищал движение и чувственный опыт и теми, кто настаивал на их нереальности, был внутренним конфликтом философии. Впоследствии этот конфликт трансформировался в «противостояние» «части» (отпавшей науки) и «целого» (взраставшей ее философии), причем «отпавшая» часть по-прежнему настолько важна для философии, что суждение о науке является первым и, может быть, важнейшим шагом на пути самоопределения самой философии.

Вернемся к трем философским проектам объединения науки и философии в начале XX в. Несомненно, таких проектов было больше, чем три. Мой выбор обусловлен тем, что эти три проекта принадлежат трем важнейшим направлениям философской мысли нашего времени – прагматизму, аналитической философии (логическому и лингвистическому анализу) и феноменологии. Сегодня, по прошествии сотни лет энергичного развития этих направлений, мы можем судить, как минимум, о том, какой из этих проектов выигрывает историческую борьбу.

О научном методе философии

Начнем с Рассела. Для него единство науки и философии означает единство их результатов, выраженных в форме пропозиций: и наука, и философия формулируют общезначимые утверждения. Однако, с точки зрения Рассела, философия далеко не всегда достигает общезначимых результатов. Точнее говоря, она достигает их реже, чем наука и лишь в той мере, в какой прибегает к формальному научному методу.

Рассмотрим статью с характерным названием «О научном методе в философии» (1914)⁴. Рассел указывает на то, что философские идеи, не укорененные в науке, являются помехой на пути прогресса философской мысли и должны быть отброшены философами, если они «хотят открыть философскую истину»⁵. Но, конечно, простое заимствование научных результатов не годится для философии. Во-первых, она не может быть только репликацией науки – иначе говорить о достижении специфически философской истины не имело бы смысла. Во-вторых, сторонник эмпиризма Рассел полагает, что научные теории – всего лишь индуктивные обобщения и в силу этого всегда остаются незавершенными и открытыми для исправления. Возводить

здание метафизики на столь непрочном фундаменте недальновидно. Например, философская метафизика процесса (Рассел называет ее «философией эволюции», и в эту рубрику у него попадают последователи Гегеля, Спенсер, Бергсон и прагматисты) черпает вдохновение в теории эволюции и переносит частные результаты биологической науки на общую картину мира. Однако теория эволюции имеет дело с бесконечно малым отрезком пространства и времени в сравнении с универсумом. Факты подтверждают эволюцию на ограниченном участке, что отнюдь не означает, что эти данные могут быть экстраполированы на весь мир. Такой перенос частного на общее незаконен, что вскрывается при логическом анализе.

Но если философия не вправе использовать научные результаты, то что же ей следует позаимствовать у науки для достижения философской истины, которая, как подчеркивает Рассел, есть истина о *всеобщем*? Ей следует взять на вооружение научный метод. С точки зрения Рассела, этот метод является формальным, ведь наука не предполагает ничего, кроме единичных наблюдений, которые она связывает друг с другом в соответствии с общими принципами логики, относящимися ко всему возможному⁶. Позаимствовав формальный метод, философия достигнет своей цели — она будет строить высказывания, применимые не только ко всему, что существует, но и ко всему, что могло бы существовать. Итак, философия, укорененная в науке, сама становится *наукой* — наукой о возможном, которое и есть *всеобщее* как логически непротиворечивое. По сути дела, философия может претендовать на то, чтобы быть критикой — надзирателем за правильным использованием метода наукой и самой же философией.

Проект воссоединения науки и философии, предложенный Расселом, можно назвать «формальным», в отличие от «трансцендентального» проекта Гуссерля и «эмпирического» проекта Джеймса, о которых ниже.

Философия, вооруженная аналитическим методом как строго научным, на мой взгляд, оказывается дальше от реальной науки, чем критикуемая Расселом догматическая (ненаучная) философия, «незаконно» использующая результаты естественных наук для построения метафизических систем. Представим себе философию, нечувствительную к конкретным результатам естественных наук и индифферентную по отношению к универсальным высказываниям о реальности. При ней остается только придуманный ею самой «идеал» — «дистиллированная» наука, из которой «выпарили» все, кроме дискретных «чувственных данных» и логики, утратившая такой характерный для науки признак (кстати, доставшийся ей от ее философского прошлого) как стремление к производству нового универсального описания мира.

Однако, на мой взгляд, в истории мысли имеет место нечто иное, а именно: наука, которая помогает философии построить картину мира, и философия, которая с помощью метафизических идей направляет научный поиск, дополняют друг друга, участвуя в диалоге, пусть даже проходя при этом через моменты взаимного отрицания. Рассел же предлагает формальный «союз» философии с наукой, в котором «союзники» содержательно никак не обогащают друг друга. Бедность и пустой формализм такого союза бросаются в глаза. Сам Рассел оказался далек от собственного идеала — его отношение к естественным наукам гораздо сложнее, чем простое заимствование формального метода.

Философия как строгая наука

В основе проекта объединения науки и философии, предложенного Гуссерлем, лежит требование философской (научной) строгости, подобное тому, какое выдвигает Рассел. Философия должна, наконец, стать наукой в том исходном и всеобъемлющем смысле, который предшествовал ее дисциплинарному распаду на «опытные науки» и «философские спекуляции». Но как она может этого достичь? Если бы философия в своем стремлении к формулировке общезначимых суждений попросту заимствовала естественнонаучный материал, она «вращалась бы в бессмысленном кругу», принимая в качестве послышки то, что ей следует обосновать — объективную значимость науки и ее метода. Следовательно, научный метод, приводящий при правильном применении к объективно значимым результатам, не может покоиться на обобщениях, пусть и систематических, чувственного опыта. Не может он также покоиться и на «миросозерцательной философии», которая, хотя и противопоставляет себя естественнонаучным обобщениям, на самом деле, тоже представляет собой разновидность незаконного обобщения фактов — фактов культуры, постигаемых в общем контексте «духа времени». Ничто из этого не может удовлетворить философию, потому что все «абсолютные истины», которые она открывает как с учетом достижений естествознания, так и сознательно абстрагируясь от последнего, не выдерживают испытания временем. Все в науке меняется, но *нечто*, что составляет ее суть, остается неизменным, и именно это *нечто* должно интересовать философию, если она хочет вернуться к своей исходной интенции, состоящей в стремлении реализовать научную строгость. Это *нечто* относится к области чистых смысловых структур, формальных принципов, гипотез, которые всегда и для всех сохраняют свою аподиктичность. В общем плане с этим согласился бы и Рассел, который также определяет научную философию как исследование возможного (всеобщего, априорного), а не действительного (индивидуального, апостериорного). Рассел считает, что научная философия должна преодолеть

местечковость, т.е. зараженность предубеждениями времени и места⁷. Но дальше начинаются расхождения между формальным проектом Рассела и трансцендентальным Гуссерля. Идеалом научности для Рассела выступает метод, как он его называет, «последовательных приближений». Рассел очарован индуктивным способом познания, собирающим смыслы из независимых индивидуальностей — явлений. Однако ко времени Рассела огромная работа, проделанная, с одной стороны, скептической философией, а, с другой стороны, эмпирической психологией и физиологией⁸, развенчала объективность явлений. Скептики сохранили за явлениями значение лишь «вторичных качеств» без рационально обоснованной связи с «первичными». Экспериментальные психологи и физиологи отказали «вторичным качествам» в научно удостоверяемой всеобщности. Поэтому то, что действительно имеет непреходящее значение — это темпоральный ряд дискретных впечатлений или инвариантные отношения между опытными отдельностями, которые могут быть выражены логическими отношениями между знаками языка. Формальное априори Рассела, «априори логического словаря» — это и есть та инвариантная структура, которая «просвечивает» сквозь поток чувственных образов, организуя их в линейную последовательность посылки и вывода (причины и следствия). Рассел — аналитик; максима «разделяй и властвуй», как он пишет, должна стать девизом научной философии⁹, а ее предметом — логические формы и логические отношения.

Гуссерль же синтетик. Он ищет не формального, а категориального априори. С точки зрения феноменологии, сторонники формальной объективности вместе с водой — субъективными ментальными состояниями — выплескивают и ребенка — идеальное содержание этих состояний. Формальный метод отвлекается от содержания познания, от предметности, Гуссерль же хочет именно эту предметность сохранить, и здесь, кажется, для философа и философии открывается путь воссоединения с наукой, ведь и последняя изучает тот или иной предмет, т.е. самостоятельное бытие, представленное сознанию.

Однако это воссоединение, о котором было заявлено, не может состояться, оно не полагается даже в качестве идеального предела, оно «выносится за скобки». Ведь все, что философия может сказать о предмете, т.е. любое решение «загадки предмета», которое может предложить философия, происходит из материалов, трансцендентных естествознанию: «...как всякое научное, так и всякое донаучное становление природы в теории познания... должно быть принципиально исключено»¹⁰ из рассмотрения. «Смысл высказывания о предметности... должен именно из одного только сознания сделаться очевидным и, вместе с тем, без остатка понятным»¹¹, — пишет Гуссерль. В таком союзе философии и науки последняя вообще не имеет права голоса, она полностью подчинена трансцендентальной философии. Самое

большее, на что она может претендовать – это подвергнуться феноменологическому описанию в качестве *идеи* науки, уже готовой категории и тех смыслопридающих актов сознания, посредством которых эта категория осознается. Страх перед фактами и их разрушительным воздействием на чистые смыслы руководит трансцендентальным союзом философии и науки, поэтому точное естествознание, представленное современной Гуссерлю экспериментальной психологией решительно объявляется «чуждым философии как это только возможно».

Априоризм философии и «местечковость» науки

В формальном союзе философии и науки, проект которого рисует Рассел, философии предписано абстрагироваться от содержания и практики конкретных наук и заботиться только о соблюдении санкционированного философией метода. В трансцендентальном союзе дело обстоит похожим образом. Содержание конкретных наук не должно интересовать феноменолога. Точнее, оно может заинтересовать его только *впоследствии*, уже после того, как «совершенно свободный ум, не ослепленный никакими натуралистическими предрассудками», *уразумеет* чистую структуру психического и «установит нормы для научного смысла и содержания понятий всех возможных феноменов»¹². Таким образом, трансцендентальный союз философии и науки не слишком отличается от формального. И в том, и в другом случае философия диктует науке чистые правила метода и ничего не хочет знать о том влиянии, которое научная картина мира, научная практика и научные результаты оказывают на философию. Пренебрежение содержательным влиянием науки на философию объясняется тем, что философия, и в лице Рассела, и в лице Гуссерля, пытается отстоять свою независимость от истории, от того типа познания, который разворачивается во времени и пространстве, и в основе которого лежит «наивная» установка ученого, полагающего, что он изучает внешний мир. Но философ не может быть наивным, ему неприлично задавать вопрос о том, как на самом деле устроен мир.

У Рассела и у Гуссерля речь идет об эпистемологии, а не об онтологии, и для того, чтобы вписать эпистемологию в онтологический контекст, философии нужно выйти за пределы самой себя, ступить на зыбкую почву исторической уникальности (как говорит И. Стенгерс, «сингулярности») науки, поставить себя в зависимость от тех (всегда неокончательных) результатов науки, которые наука «наивно» приобретает. Но философии (аналитической философии и трансцендентальной феноменологии) некуда выйти за пределы самой себя, так как сфера идеальных нормативных принципов объявлена последней, фундаментальной сферой, за пределами которой уже нечего искать философу. Поставить принципы в зависимость от фактов значит «вращаться в бессмысленном кругу».

Любопытно, что декларированное пренебрежение растущим материалом научных открытий и изобретений оправдывается не чем иным как стремлением научной философии к прогрессу. «Вращение в бессмысленном кругу» ожидает философию, если она будет принимать всерьез результаты естествознания и давать их содержательную интерпретацию; если же она отвлечется от этих результатов, то сможет шаг за шагом реализовать научную объективность. Очевидно, что такой прогресс может привести философию лишь к тому, что было изначально в ней заложено, и что впоследствии затемнялось и искажалось индуктивными обобщениями и метафизическими спекуляциями — к раскрытию априорных принципов познания. Если же под прогрессом понимать приращение нового, ранее не бывшего, которое само становится точкой отсчета для последующего развития, то формально-критический и трансцендентально-критический методы равным образом игнорируют реальный прогресс.

На мой взгляд, философия может увязать собственный прогресс с развитием естественных наук. Но для того, чтобы достичь этого, философии нужно принять *генетический* метод, который раскрывал бы само происхождение формальных и категориальных структур, раскрывал бы преемственность в развитии знания и причины формального и категориального априори. Необходимость генетического метода, впрочем, подтверждается тем, что любая философская доктрина, и даже та, которая знать ничего не хочет о собственном происхождении и собственном онтологическом контексте, на деле оказывается теснейшим образом связана с последним. Так, статья Гуссерля «Философия как строгая наука» и другие работы создавались в полемике с натурализмом, под которым Гуссерль понимает прежде всего сложившиеся во второй половине XIX в. версии эмпиризма, представленные в работах Конта, Маха, Авенариуса, а также так называемую «точную психологию», которая сформировалась приблизительно в то же время на основе физиологии. Основной интригой этого направления научных исследований была попытка сделать саму познавательную способность, восприятие и мышление темой эмпирической, экспериментальной науки. Гельмгольц, Вундт, их ученики и последователи изучали эпистемологию и логику в лабораториях с помощью внешнего наблюдения и математического описания процессов получения и производства знания. Распространение экспериментальной психологии в Германии, появление психологов и физиологов, занимающих философские кафедры (что выражало тенденцию укрепить философию на прочном фундаменте физической науки), многочисленные публикации того времени, в которых мышление представало как разновидность нервной деятельности, доступной математическому моделированию, — все это сформировало вполне определенный не только институциональный, но и онтологический контекст философских интенций Гуссерля.

Проект объединения философии и науки, а, точнее, проект возвращения философии к своим подлинно научным истокам, предложенный Гуссерлем, был критикой программы точной психологии. И этот проект не был *беспредпосылочным*. Он появился на свет не из *чистой мысли* феноменолога, а родился как один из ответов на те вопросы, которые были поставлены естествознанием во второй половине XIX в.

В масштабной ретроспекции развитие академических исследований в Германии в XIX в. может служить примером того, как наука и философия «вслушиваются» и «вмешиваются» друг в друга, осуществляя непрерывный перевод онтологии на язык эпистемологии и обратно. Так, после Канта¹³, немецкая классическая философия построила систематическую натурфилософию, в которой Энгельс справедливо увидел философскую реакцию на кризис механицизма¹⁴. Начиная с 30-х гг. XIX в. программы эмпирических исследований в Германии формируются в оппозиции к спекулятивной онтологии натурфилософов. Обновленный союз науки и философии, в котором философии предписывалось следовать за результатами естественных наук, а не предварять их, институционально закрепился появлением в 1860-е гг. факультетов естественных наук, отделенных от философских факультетов. Первоначальные успехи эмпирических лабораторных исследований по физиологии и психологии довольно быстро сформировали новый «догматизм фактов и доказательств», согласно которому нейронное и ментальное суть две стороны одного и того же темпорального процесса сменяющих друг друга физических событий. Открытия физиологии и эмпирической психологии второй половины XIX в. подчеркивали зависимый характер ментального от физического, а последнее описывалось в терминах каузальных связей, имеющих двойственное происхождение. Часть из них принадлежала внутренней жизнедеятельности организма, а другая часть порождалась внешними воздействиями. Привести две каузальные последовательности к общему знаменателю в рамках еще сохраняющейся механистической парадигмы, предполагающей дуализм первичных и вторичных качеств, было задачей трудноосуществимой. Не только видовое разнообразие, но и индивидуальное разнообразие человеческих субъектов порождало нередуцируемые различия восприятий. Как пишут Лоран Дэстон и Питер Гэлисон, связь между идеей опытного познания и идеей разобщенности эмпирических субъектов укреплялась вместе с теми экспериментальными науками, которые сделали опыт своим объектом¹⁵.

С точки зрения Дэстон и Гэлисона, критика психологизма, принятая Фреге, и ее развитие в аналитической эпистемологии Рассела, были попыткой отстоять объективность науки в новой ситуации, когда ментальные процессы стали пониматься как *препятствие* на

пути получения единого для всех рациональных субъектов знания¹⁶. Защиту идеальной предметности сознания Гуссерлем, на мой взгляд, также следует соотносить с развитием наук о природе, не только с их институциональным, но и с онтологическим наступлением на философию.

Внимательное рассмотрение показывает, что и формальная, и трансцендентальная интерпретации науки оказываются ее содержательными интерпретациями, даже если они формируются в оппозиции к реальному фактическому материалу естествознания или дистанцируются от него. Желание «спасти философию от местечковости», которое объединяет Рассела и Гуссерля при всем расхождении их философских программ и предпочтений, связано со стремлением исключить сознание из природы, «сохранить в чистоте» то, что «не должно быть натурализовано». Рассел по его собственным словам хочет построить философию на основании естественных наук, в традиции, которую схематически можно выразить формулой «философия – служанка науки». Гуссерль призывает строить естествознание на фундаменте философии и занимает противоположную позицию, которую можно обозначить формулой «философия – госпожа науки». Однако же, между проектами Рассела и Гуссерля больше общего, чем различий. Оба оценивают отношение науки и философии с позиции посткантовской антиметафизической эпистемологии, согласно которой философия не может выйти за пределы сознания, преобразующего «текущую среду феноменальности» в пространственно-временной порядок с помощью априорных принципов. Наука же наивно приписывает этой «текучей среде» онтологический статус. Против наивности и «местечковости» науки вооружаются и формальный, и трансцендентальный метод, призванные защитить объективность и сохранить ее в качестве интересубъективности эпистемологических субъектов, граждан идеального вневременного государства априорного знания.

Онтологические ресурсы экспериментальной психологии

Но наступление экспериментальной психологии на философию перешагнуло границы дилеммы «априорное – апостериорное» в силу того, что оно перешагнуло границы общей метафизической матрицы механицизма и следовавшего из нее кантовского дуализма, в рамках которых эта дилемма воспроизводилась во второй половине XIX в. Так, Альфред Норт Уайтхед в 1925 г.¹⁷ признал возникновение психологии ключевым моментом в истории мысли, обозначившим точку поворота от механистической метафизики к метафизике процесса, которая делает своим предметом органическую взаимосвязь ментального и физического. Действительно, «включение сознания в природу», против чего так энергично восставал Гуссерль, не столько

уничтожало сознание, сводя его к механически понимаемой природе (чего опасался Гуссерль), сколько переформулировало и «природу», и «сознание» относительно друг друга. Однако этот процесс растянулся на долгие десятилетия и еще не вполне завершен. Изучение человеческого тела в терминах физики (программа Декарта) и изучение телесного опыта с позиций медицинской физиологии — это не одно и то же¹⁸. *Человек-автомат*, органы которого существуют независимо друг от друга и «нуждаются в особом расположении (disposition) для каждого отдельного действия»¹⁹, рассыпался бы на части, если бы не Божественное попечение, извне сообщающее единство и слаженность телесной *машине*. Редукция сознания (заместителя Божественного универсального синтеза) к частям материи, которые обладают «простым местоположением», действительно уничтожает сознание как носителя единства и целеполагания.

Но физиологическая психология имеет дело не с *автоматом* и не с частями материи. Она изучает проективно-рефлективную телесную организацию воспринимающего субъекта, его включенность в окружающую среду, а также ассоциативные и апперцептивные *процессы*, которые формируют то, что мы называем сознанием. Сознание, таким образом, становится функцией познания как деятельности по стягиванию всей реальности, находящейся вне его в единство внутреннего постижения, как «деятельности, организующей реальную совместность чуждых вещей»²⁰. О том, что сознание хотя и возникает в процессе соединения единичных событий (элементов опыта), но не есть механически образованная сумма частей, писал Вундт: «...любое сложное психическое явление обладает свойствами, которые никоим образом не являются просто суммой свойств его элементов»²¹.

Исследователи становления психологии как науки отмечают неоднородность и внутреннюю противоречивость ее школ и направлений. Но при всем различии исследовательских программ новой психологии их объединяло то, что они впервые систематически стали изучать сознание как биологическую систему, в единстве природных и ментальных процессов, что открыло путь будущим исследованиям сознания, сочетающим исторические, социологические и биологические методы. Джон Сёрл пишет: «Никто не может... предсказать... законы исследования в науке или прочих дисциплинах. Новое знание неожиданно для нас, и одна такая неожиданность заключается в том, что прорывы в знании могут дать нам не только новые объяснения, но и новые *формы* объяснения. В прошлом, например, дарвиновская революция произвела новый тип объяснения, и я думаю, что мы не полностью представляем себе его значение в нашей нынешней ситуации»²².

Я считаю, что экспериментальная психология — это как раз тот случай, когда наука предложила новые *формы* объяснения, в которых

была заложена возможность переопределения исходных метафизических основоположений, и прежде всего, механицизма и дуализма, разделяющих природу и сознание и поддерживающих «бифуркацию природы». Именно поэтому критика философии, дающей содержательную интерпретацию результатов естественных наук как «вращения в бессмысленном кругу» была мимо цели. Напротив, новые экспериментальные результаты и новые метафизические допущения расширили поле философских исследований и вдохновили новые философские школы и направления. И в этом отношении изменчивость и «местечковость» науки – не недостаток, который следует преодолевать, зарезервировав для философии автономную область априорного знания, а достоинство, которое размыкает «бессмысленное круговращение», превращая его в осмысленное, хотя и не прямолинейное историческое движение.

Метафизика опыта

Это, по-видимому, понимал Уильям Джеймс, который стремился примирить метафизические спекуляции и обращение к чувственному опыту. В отличие от Гуссерля, полагавшего, что опытная психология «чужда философии, как это только возможно», и от Рассела, деклариовавшего формальный подход к естественным наукам, Джеймс не возражал против содержательной философской интерпретации результатов естествознания, прежде всего, физиологической психологии, тем более, что последняя была его профессиональной областью. Как пишет Николас Решер, Джеймс сформулировал концепцию процесса на основании модели, почерпнутой из психологии²³.

Эмпирическая психология – хороший повод к метафизическому размышлению? Звучит не очень убедительно, особенно, если принять во внимание, что именно наблюдение за внутренней жизнью сознания, за потоком сменяющихся друг друга впечатлений привело Дэвида Юма к убеждению в том, что в них не содержится ничего, что отсылало бы за их пределы, к реальности как она есть сама по себе. «Впечатления первоначально возникают в душе от неизвестных причин» – эта запрещающая метафизику фраза Юма явилась важным шагом на пути становления критической традиции в философии Нового времени. Однако, как уже было сказано, новая психология содержала в себе ресурсы для переинтерпретации некоторых метафизических основоположений, некритически принимаемых критической традицией. Возьмем причину и следствие. В классической механике принцип причинности трактовался следующим образом: «Одна и та же причина с необходимостью приводит к одному и тому же следствию», или иначе говоря, действие уже заключено в причине. «При таком понимании дела причина превращается в логическое основание, действие – в следствие, и так как логический вывод есть

переход от основания к следствию, т.е. переход от тождественного к тождественному, то термины *причина* и *действие* скрывают за собой единое неизменное бытие»²⁴. К слову сказать, Юм спорил именно с концепцией причинности как физической и логической необходимости, не находя во внутренней жизни сознания никакой *дополнительно присоединяемой* к единичным впечатлениям необходимости. Но если понятие неизменных элементов и их необходимой линейной связи может до поры послужить хорошей рабочей гипотезой в физике, то не так обстоит дело в физиологии и физиологической психологии. Например, современный философ-конструктивист Мануэль Деланда именно в физиологии находит подтверждение существования нелинейной причинности. «Когда внешние стимулы действуют на организм, даже на самую простую бактерию, стимул во множестве случаев выступает только как спусковой механизм для отклика организма. Биологический индивид внутренне определен множеством комплексных последовательностей событий, некоторые из них замкнуты на себя и формируют причинную петлю (такую, как метаболический цикл), выражающую его собственные состояния сбалансированной целостности... В такой системе различные причины могут привести к одному и тому же следствию, так же как одна и та же причина может породить разные следствия, в зависимости от того, какое состояние организма подвергается воздействию»²⁵.

В свете этого понятно, почему ученый-психолог и философ Джеймс сосредоточился на тех характеристиках бытия, которые современная наука и философия называют *эмерджентными*, а сам Джеймс называл *новизной* (novelty). То, что Гуссерль и Рассел понимали как *препятствие* на пути к объективности, а именно, индивидуальные состояния психологического субъекта, Джеймс рассматривал как *условие* научного знания. Это *апостериорное* условие, поскольку каждое индивидуальное сознание есть «поток перцепций... в котором постоянно рождается великолепная искрящаяся новизна»²⁶.

Поток сознания, согласно Джеймсу, не есть переход от тождественного к тождественному и не может быть выражен в полной мере аналитическими суждениями: «...когда мы начинаем анализировать психологически наши переживания, оказывается, что они не поддаются истолкованию при помощи одних концептов... объяснение мира при помощи концептов несовместимо с допущением подлинной реальности чего-либо нового»²⁷. Ниже — слова Гуссерля, которые перекликаются с этим замечанием Джеймса: «...психическое, “феномен” приходит и уходит, не сохраняя никакого остающегося тождественного бытия, которое было бы определимо “объективно” в естественнонаучном смысле, например, как объективно делимое на составные части, как допускающее “анализ” в собственном смысле слова»²⁸. Но для Гуссерля это означает разрыв с эмпирической

наукой, так как «психическое» нужно исследовать в его «чистом» виде, а не в «психофизическом состоянии»²⁹. Иной вывод делает Джеймс. Психические явления нельзя изучать независимо от их физических условий. Физиология должна быть включена в психологию³⁰. С точки зрения Джеймса, *сама эмпирическая наука* учит нас тому, что она есть нечто большее, чем переход от тождественного к тождественному. Физиологическая психология раскрывает такое богатство внутренней жизни, которое, если не пренебрегать им с высоты философского а priori, создает предпосылки для переосмысления традиционной метафизики тождественного. Новый опыт учит нас новой метафизике, которая, в свою очередь, призвана интерпретировать опыт. Это «петлеобразное» движение от опыта к метафизике, от науки к философии и обратно продолжается непрерывно, и, как пишет Джеймс в заключение своего «Краткого курса психологии», если прошлое науки позволяет заключать о ее будущем, то и для новой психологии также найдутся в перспективе свои гении, которые по необходимости будут метафизиками³¹.

Именно так, *метафизиками*. И нет, очевидно, у Джеймса предубеждения против незаконной экстраполяции опытных данных на мир в целом (от чего предостерегает Рассел). И не боится он «вращения в бессмысленном кругу» (против чего возражает Гуссерль). Я думаю, причиной тому являются уже сделанные им на основе психологического опыта метафизические выводы, которые указывают на то, что в самом опыте содержится *нечто большее*, чем «просто опыт».

Выводы

Сопоставив три модели взаимоотношения науки и философии, сделаем следующее заключение. Формальный проект Рассела (во всяком случае, в том виде, как он декларирован в статье «О научном методе в философии») предполагает опыт (эмпирического субъекта) и не предполагает истории. Поэтому Рассел говорит об *универсальном* языке наблюдений, формализацией которого занимается философия. Трансцендентальный проект Гуссерля (я не принимаю сейчас во внимание поздний этап исторической феноменологии жизненного мира) предполагает опыт (трансцендентального субъекта) и не предполагает истории. Поэтому Гуссерль говорит о чистой феноменологии как *априорном* «условии для подлинно научной психологии»³². Наконец, эмпирический проект Джеймса соединяет опыт (эмпирического субъекта) с *исторической* реальностью. И это позволяет Джеймсу говорить о равноправном и содержательном союзе меняющейся (недогматической) науки с меняющейся (недогматической) философией. Только в таком союзе, по мнению Джеймса, наука могла бы преодолеть разрыв с миром ценностей, а философия — прийти «в тесный контакт с реальной жизнью»³³.

Сравнивая эти три проекта, мы не можем не отметить, что проект Джеймса на сегодняшний день оказывается наиболее востребованным. Развитие философии науки в значительной степени пошло по пути, намеченному Джеймсом. И то, что философия науки на этом пути утрачивает дисциплинарное единство и приходит к теоретическому и методологическому плюрализму, эмпиризму и дескриптивизму *исследований науки* (science studies) отвечает внутренней логике концепции Джеймса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. – М., 2000. – С. 19.

² Там же. – С. 267.

³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994. – С. 135.

⁴ Russell B. On scientific method in philosophy // Russell B. *Mysticism and logic and other essays.* – L., 1918. – P. 74 – 94.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Daston L. and Galison P. Objectivity. – N. Y., 2007. – P. 253 – 307.

⁹ См.: Russell B. On scientific method in philosophy.

¹⁰ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – С. 139.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 157.

¹³ Критическая философия Канта была задумана и реализована как философское обоснование онтологии математического естествознания Ньютона. См., например: Gottfried M. Kant's metaphysics and theory of science. – Manchester: Manchester University Press, 1955. – P. 67 – 97.

¹⁴ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. – М., 1934.

¹⁵ См.: Daston L. and Galison P. Objectivity. – P. 276.

¹⁶ Ibid. – P. 266.

¹⁷ См.: Уайтхед А.Н. Наука и современный мир // Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 207 – 209.

¹⁸ См. там же. – С. 207.

¹⁹ Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1989. – С. 283.

²⁰ Уайтхед А.Н. Наука и современный мир. – С. 211.

²¹ Цит. по: Schultz D.P. and Schultz S.E. A History of Modern Psychology. Tenth Edition. – Wadsworth, 2011. – P. 74.

²² Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002. – С. 209 – 210.

²³ Rescher N. Process metaphysics. An introduction to process philosophy. – N. Y., 1996. – P. 3.

²⁴ Гамильтон У. Lectures on Metaphysics (Цит. по: Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. – С. 127).

²⁵ DeLanda M. Emergence, Causality and Realism // The speculative turn. Continental materialism and realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds.). – Melbourne, 2011. – P. 383 – 384.

- ²⁶ Джеймс У. Введение в философию. – С. 99.
²⁷ Там же.
²⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – С. 149.
²⁹ См. там же.
³⁰ См.: James W. The principles of psychology. – N. Y., 1950. – P. 5.
³¹ См.: James W. Psychology. Briefer course. – N. Y., 1961. – P. 335.
³² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – С. 151.
³³ Джеймс У. Введение в философию. – С. 20.

Аннотация

В статье анализируются три философских проекта воссоединения науки и философии, которые были сформулированы родоначальниками 1) аналитической философии, 2) феноменологии и 3) прагматизма – Бертраном Расселом, Эдмундом Гуссерлем и Уильямом Джеймсом соответственно. Доказывается, что концепции Рассела и Гуссерля не выходят за рамки кантовского априоризма и не учитывают собственный исторический (научный) контекст, в то время как концепция Джеймса представляет собой продуктивную попытку соединить изменяющуюся науку с изменяющейся философией.

Ключевые слова: наука, философия, онтология, экспериментальная психология, история мысли, априорное знание.

Summary

The article discusses three philosophical projects of uniting science and philosophy, formulated by the founders of 1) analytic philosophy, 2) phenomenology and 3) pragmatism – Bertrand Russell, Edmund Husserl and William James, accordingly. It is argued that Russell and Husserl's conceptions do not go beyond Kantian apriorism and, thus, do not take into account their own historical (scientific) context whereas James' conception constitutes a fruitful attempt to connect changeable science with changeable philosophy.

Keywords: science, philosophy, ontology, experimental psychology, history of thought, a priori knowledge.